

“СТРАННИК” А.С. ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Значение темы “странничества” в русской литературе рассмотрено в литературно-критических статьях Н. А Бердяева и И.А.Ильина

Обращаясь к творчеству А.С. Пушкина, можно поразиться точности, с которой в нем, даже на уровне интонационных нюансов, предвосхищены и правда и соблазны этой проблемы. Пушкинской тема “странничества” была воспринята и осмыслена в том значении, какое было характерно для христианской духовной литературы. В соответствии с нею история мыслилась в контексте идеи передвижения-странствия единого православного христианского царства, странствующего Града Божия. Мысль о странствующем Граде Царя Христа и о христианах, странствующих в земном отечестве в надежде обрести сдое истинное и вечное гражданство: “ибо эти два града переплетены и взаимно перемешаны в настоящем веке, пока не будут разделены на последнем суде” [1, с. 59], – отражена уже в сочинении блаж. Августина “О Граде Божием”. В древнерусской книжности она нашла свое воплощение и в предании о Незримом Граде Китеже, и в поэме “Москва – III Рим”, непосредственно уже сформировавшей представления о Святой Руси, выросшей из молитвенного подвига преп. Сергия Радонежского, “внутреннего делания” преп. Нила Сорского и деятельности преп. Иосифа Волоцкого по строительству “Града Божия” на земле в пределах русской национальной истории. И.А. Ильин, указывая на ту роль, которую играют в произведениях И.С. Шмелева представления о Святой Руси, говорил о совмещении в его творчестве двух начал: “художественного” и “исповеднического”, – о “Богомолье”, являющемся одновременно и типом бытия, обусловленным этим духовным строем жизни, и формой его художественного воплощения в “Лете Господнем”: “...отойти странником в новую страну, где по-новому увидеть Бога, и в земном, и в небесах...” [2, с. 126-127]. В “Подростке” Ф.М. Достоевского “странник” Макар Долгорукий говорит, что он никогда не видел настоящего атеиста, за него обычно принимают “суетливого”,

что свидетельствует о тенденции к противопоставлению странника и "суетливого". Града Божьего и суеты, земного "мира"; богомолья и "подполья", описанного Достоевским, где человеком владеет дух небытия.

Тема "странничества", как она представлена в "Страннике" А.С. Пушкина, тесно связана с тем значением, какое в нее вкладывала Святоотеческое Предание: "тот странник (т. е. подвижник, умерший для мира), кто мыслию своею стал вне всего житейского" [3, с. 309], — писал св. Исаак Сирии. "Странничество", то есть уклонение от мира — третья ступень монашеского совершенства в "Лествице" преп. Иоанна Лествичника. "Странничество есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию"; "Странник тот, кто везде с разумом пребывает иноязычный среди иноязычного народа". Выход монаха из "отечества", из "Египта" — выход из социальных условий, среды и строя, вне которых человек не представляет жизни, добровольно или по обстоятельствам рождения вступая на этом уровне в различные связи и отношения, рассеиваясь в них и утрачивая способность к внутренней духовной сосредоточенности. Духовный странник оставляет привязанности "как к родным, так и к чужим", "ибо странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом" [4, с. 26-29]. Жизнь здесь — обитель, пристанище для путников, идущих домой, Она реальна лишь в том, что каждое ее мгновение — единственная, может быть, последняя возможность изменить свою участь: "Отрезвись от сна и приди сам в себя, отряси свои помыслы, и смотри, преклонился уже день"; "жизнь сия подобна обители, из которой отходя в место свое, разлучаемся и знаем, что у нас впереди", — восклицал преп. Ефрем Сирен [5, с. 60, 61]. В русской литературе острота ощущения гармонии жизни свойственна героям, бегущим от мира и приемлющим аскетический идеал почти монашеского бытия. Каким бы не был мир, какое бы обличие ни принимала система социальных связей и отношений, смысл жизни христианина в нем — исход из него. Монашество — "иное жительство", пребывание вне "мирского града" в "ином граде". Эта тема в творениях Отцов Церкви представляет собой развернутую цепь смыслов и значений, заключенных в событиях Священного Писания, где каждый факт Священной Истории "предображает", прообразует в себе будущее, вечное, то есть одновременно и фиксируя момент земной реальности, и свидетельствуя о его грядущем значении, о его направленности в будущее как о факте духовной реальности. Оставлением привычного образа жизни Бог испытывает патриархов и приучает их уповать только на Него: изыди от земли твоя и от рода твоего, и от дома отца твоего (Бытие. 12. 1). Странничество как духовное явление имеет свое пространство, свою "географию" — исход из Египта, земного мира, в Иерусалим, в Град Божий. У бегства из Египта есть и свое качество — необратимость. На этом пути нельзя оглядываться назад, чтобы не уподобиться жене Лота, бегущей из Содома, "ибо душа, обратившись туда откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и сделается неподвижной. Беги из Египта невозвратно, ибо сердца обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, то есть земли беспристрастия" [4, с. 28]. Св. Иоанн Златоуст, освещая в своих писаниях путешествие Волхвов, видит в путешествии, в "странничестве" духовное состояние христианина, которому предшествует глубокий нравственный перелом в человеческой душе [6, с. 77].

Бегству странника в стихотворении А.С. Пушкина предшествует осознание того, что "Я осужден на смерть и позван в суд загробный — И вот о чем крушусь: к суду я не готов...". Данное состояние соответственно изменяет и представления о действительности, то, что за пределами этой новой реальности воспринималось как образ, символ, аллегория, при столкновении с очевидной истиной: "Я осужден на смерть", — обретает смысл в границах уже своего прямого значения: мир дольний — "дикая

долина", мир горний – "убежище", "город" – человек. В двух параллельных планах дольного и горного мира проходит тема "врачевания" – "домашних", которые "отступились, как от безумного, чья речь и дикий плач Докучны и кому суровый нужен врач", и юноши, "читающего книгу", который лечит "словом", но "словом", которое, выступая из пределов мнимой реальности, является в действительности "путем" и "светом": "Сказал мне юноша, даль указуя перстом. Я оком стал глядеть болезненно-отверстым. Как от бельма врачом избавленный слепец. "Я вижу некий свет", – сказал я наконец". "Свет" – путь к "тесным вратам спасенья". Христос в богословии именуется "Светом", "Путем", "Спасением", "Врачом", но для "прозревшего слепца" это уже не "именования", а жизнь после исцеления болезни. Постигая мнимость того, чем он жил раньше, "прозревший слепец" совершает "побег".

Для понимания "Странника" важно указание на его притчевый характер, на его символику, соответствующую этой жанровой форме, и, в конечном итоге, на свойственное христианской письменности "словесное" восприятие реальности, восприятие ее в пространстве слова. О последнем говорит мотив движения, пути, заключенный в притче и вытекающий из понимания его как движения к сокровенным смыслу и значению слова. Воспринимая чувственный мир как отражение, ответ непреходящей реальности мира иного, символический реализм одухотворяет его, проникая за оболочку материальных предметов и явлений и открывая их логосы – смыслы вечного бытия. В этом отношении земная реальность всегда символична. Проникновение человека в самого себя через духовное очищение и молитвенное напряжение – путь богопознания. Здесь человек открывает Божественный замысел. Божественное слово о мире; через посредство человека мироздание получает способность к пронцаемости двух пластов бытия – низшего и высшего, чувственного и умопостигаемого, реальности и откровения о ней. Для обозначения соотношения этих двух миров св. Максим Исповедник прибегал к образу, употребляемому пророком Иезекиилем: "как говорил Иезекииль, дивный созерцатель великого, они словно колесо в колесе (Иез. 1: 16), высказываясь, я полагаю, о двух мирах" [7, с. 160]. Св. Григорий Синаит в рассуждении о божественном ораторе пишет: "Он (оратор) распознает духовное и невидимое из чувственного и видимого и чувственный и видимый мир из невидимого и сверхчувственного, потому что видимое – образ невидимого и невидимое – первообраз видимого. Представлены нам, говорит некто, образы необразных вещей и виды безвидных, чтобы этот (образный мир) духовно открылся через тот (необразный), а тот – чрез этот и (чтобы) мы отчетливо могли видеть (оба мира) совместными или один в другом, изъясняя их словом истины" [8, с. 68-69]. Речь идет о живом единстве, о непрерывном движении, потоке направленных друг к другу явлений видимых и невидимых, вещественных и неведественных, материальных и духовных; видения мира в его подлинном качестве – Божия создания, в котором человек – рубеж, где время течет, соприкасаясь с вечностью, он – свойство вечности, выражение ее творческой созидательной силы погружаться в реалии чувственного мира, облекаться их временностью, пространственностью, вещественностью, то есть наделять их способностью, в свою очередь, к вечному стремлению из небытия к бытию, становлению в духе, одухотворению и страданию как воплощению этого соприкосновения с вечностью, постижения своей духовной сущности. Этот поток – жизненный путь человека, его судьба, где движение есть форма выражения дели, к которой оно устремлено, только в этом своем значении взаимопроникновение чувственного и сверхчувственного мира претворяется из "иносказания" в "ведение" и "силу". Это состояние в положение человека реализуется и воплощается в символическом реализме. Символ является не только знаком, указывающим посредством себя на иную реальность, в большей степени он –

форма воплощения ее живого ощущения человеком, заключающая в границах данной реальности выражение качественно иного, более высокого уровня бытия. Посредником между изначальной простотой и единственностью Слова, заключенной в Нем полнотой истины и его материальной множественностью служит текст. Он связывает первоначальную духовность слова с чувственной множественностью, которую на него накладывает человеческая природа: "Ведь Слово становится плотью через каждое из начертанных речений", – писал преп. Максим Исповедник. Богословствуя о воплощении Бога Слова, он проводит параллель между абсолютным смыслом и значением слова и тем его видом, в каком оно соприкасается с сознанием человека и становится доступным ему, то есть текстом: в своей абсолютной данности Слово "не содержит в Себе ни притчи и иносказания, ни повествования, нуждающегося в аллегорическом толковании. Но когда Бог Слово пришел к людям, не могущим нагим умом соприкасаться с нагими умообразными (вещами), то, изъясняясь с ними по их обыкновению, Он становится плотью, в которой сочетается пестрая (множественность) повествований, иносказаний, притч и темных изречений. Ибо наш ум, при первом соприкосновении (со Словом), соприкасается не со Словом нагим, но со Словом воплощенным, то есть с пестротой речений – сущим по естеству Словом, но плотью по внешнему виду" [7, с. 145]. Прочтение текста, проникновение в его сокровенный смысл происходит по мере духовного очищения человека, что объясняет и природу наиболее популярной жанровой формы, в которой бытовало символическое сознание христианства Средневековья – притчи. Вся символика христианской письменности в какой-то мере проявляется в понимании притчи как духовного пути. Человек – путник и странник в этом мире, подлинное значение жизни есть то, что она является Евангельским путем, на котором "через исполнение заповедей приобретаем себе обладание небесным", – пишет Василий Великий, уподобляя людей отправившемуся в плавание купцу из притчи в Евангелии от Матфея (Матф. 13, 45). Слово в этом значении есть именно пространство, осязаемое через реалии пути, движения: "Ибо сказано: *свещильникъ ногама мома законъ Твой, и светъ стезямъ моимъ* (Псал. 131, 4)" [9, с. 221. 223], – а слово в притче – слово, открывающееся человеку, простирающееся к нему свой сокровенный, безграничный смысл, идущее, нисходящее к человеку и одновременно подвигающее его на совершение духовного подвига, духовного пути, движения навстречу слову. Событие, в котором открывается миру герой романа Ф.М. Достоевского "Идиот" князь Мишкин – слово, вне слова его нет во плоти, я именно в слове он ощущает косность плоти, мучается ею и безобразностью окружающей жизни, ее бессловесностью, безымянностью. С исчезновением "Мышкина во плоти" нормализуется ход течения событий в мире, но именно он и предполагает без-образность всех остальных героев, которую они осознают и от которой страдают. В романе есть и косвенное указание на путь преодоления без-образности:

человек должен войти в соприкосновение с пространством слова, с книгой и русской историей: "Ты бы образил себя хоть бы чем, хоть бы "Русскую историю" Соловьева прочел", – передает Рогожин слова Настасьи Филиповны. "Слово" и "книга" открывают "путь" к "спасению" в стихотворении А. С. Пушкина.

Древнерусские авторы, начиная летопись не с традиционного "от сотворения мира" или "от Адама", фиксировали внимание на двух краеугольных для них проблемах: удела, места на земле, данного славянам Богом, и их языка, который и является объединяющим и выделяющим славян из других народов началом, где сфокусированы их исторические судьбы. Но лишь становясь языком церковного богослужения, на который переводится Священное Писание, язык славян открывает им и место их земного существования, их "удел", отведенный

им изначально Богом, и его выражение – государство. Повествование, ушедшее на периферию всей известной ойкумены, блуждающее в неосвященных дебрях и просторах, где жили славяне, с упоминанием о грамоте и о полянах возвращается на круги истории человечества, туда, где сходятся и пересекаются пути и судьбы Востока и Запада. Этого автор достигает описанием пути “из Варяг в Греки”, где горы, по которым жили поляне, становятся связующим звеном двух центров человеческой цивилизации: Рима и Царьграда, Балтийского (Варяжского) и Черного (Понтийского) морей. Духовная география земли, на которой живут поляне, собирает в себе и связывает в единое целое настоящее и будущее, земное и вечное. Путь из Варяг в Греки, прообразующий в себе будущее народа, соединяет безвестное племя с христианством, предначертанное Богом в этом пути озвучивает своим пророчеством Апостол Андрей, плывший по Днепру в Рим: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей”. Легенда об Андрее соединяет два края в истории славян: настоящее и будущее, предначертанное на скрижалях книги природы и прочитанное Андреем. По сути, древнерусские летописи явились отражением нераздельности древнерусской государственности, ее истории и письменного слова, вне которого у Руси нет ни прошлого, ни будущего. В мотиве “путешествия”, “странствия” русская история и откровение Красоты, осуществляющееся в пространстве слова, смыкаются в образе князя Мышкина: “Откройте жаждущим и воспаленным Колумбовым спутникам берег Нового Света, откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле...”. В этом отношении интересен тот язык образов и символов, который использует преп. Симеон Новый Богослов, изображая свой труд как проповедника евангельского учения. Оно – “духовное сокровище”, поиск его, постижение смысла Священного Писания – “путешествие” “на то место, где, как показал мне писанием тот добрый человек, находится сокровище, – и пришедши начал рыть землю, не переставая день и ночь и не жалея никаких трудов и потов. Так рыл я выбрасывал вон землю, все более и более углубляясь, пока наконец начало показываться сокровище и издавать свет вместе с землею. Наконец после того, как потрудился много времени, роя и выбрасывая землю, увидел я все сокровище простертым, как полагаю, чрез всю землю безпримесное и чистое от всякого засорения и запятнания”. Сокровище это – Христос [10, с. 479]. Контекст, сопровождающий эти слова, красноречив – преподобный Симеон объясняет, что действие божественной благодати можно ощутить не только в будущей, но и в настоящей жизни, ревностно следуя евангельским заповедям. Исполняющим их на пути спасения дары благодати “открываются, явны бывают и видимы в них еще здесь”, хотя в окончательной своей полноте “даются избранным после смерти и общего воскресения” [10, с. 478]. Духовная жизнь – путь в настоящем к будущему обетованию. Настоящее, пронизанное энергией своей устремленности к будущему, – странствие: “идите научитесь”, – пишет преподобный, поэтому грядущее “неизреченное сокровище” “лежит пред очами нашими, и пред руками, и пред ногами” [10, с. 479]. Оно облечено одухотворенной, но пластичной материей, телесностью настоящего, доступно одухотворенному чувству “очей”, движению “рук”, “ног”. Мотив духовного путешествия, пути связывает “неизреченное сокровище” и “землю”, в которой оно сокрыто. Незреченное и неместимое соединяется по благодати с “землей”, одухотворяет ее и называется ее именами, воплощается. Соединение божественного дыхания и персти земной во всей своей первозданной чистоте возрождается, искупается крестными муками Спасителя. Благодать побеждает мир, открывает Новый Свет праведникам, для которых путь к нему – божественное откровение: “ибо Я в них, и они во Мне и побеждают мир, так как суть вне мира и

имеют с собою Меня, сильнейшего всяческих" [10, с. 480]. Действием Благодати "земля" пронизывается реальностью воплощения Сына Божия. Он – "сокровище", сокрытое в ней, "сокровище", открывающее ее, – Путь, Врач, Свет, Слово. Соприкасаясь с Ним, земные реалии обретают свой духовный смысл и одновременно духовный смысл находят в них свое воплощение, посредством религиозных образов и символов выступая из вечности и означая себя в земной действительности. Путешествие, странствие, бегство – преображение времени и пространства в действительности Боговоплощения. Они – движение Благодати, Новый Свет, погруженный в этот мир и премирный, объемлющий его и призывающий к себе. Русский Свет падо открыть, и он был уже открыт в письменном слове, истекающем из предвечного Слова, он осязаем, вещественен, воплощен – "сокровище", сокрытое в "земле". Рассуждая о том, как надо праздновать церковные праздники, Симеон Новый Богослов показывает, в чем заключается основное, направляющее течение земной жизни человека натяжение, которое стоит за образно-символической системой церковного праздника, за системой образов, символов христианского искусства, за принципами присущего ему восприятия человека и окружающей его действительности. Эстетика праздника, его красота – "это только видимость празднственная", красота еще удерживает человека на своей поверхности и поверхности описываемого ею явления или события, по которой скользят его чувства. Он должен напрячь все свои силы, чтобы погрузиться в нее и увидеть "таинство праздника христианского". Это нерв, доминанта человеческого бытия. Христианское искусство, отражая жизнь, возводит человека «от видимого к невидимому», погружает в сокровенно присущее каждому мигу бытия движение от «видимости» к «таинству» [10, с. 335-336]. Церковный праздник в своем образно-символическом выражении связывает последовательность событий по законам красоты, направляя их течение внутрь человека, облекая и озаряя его жизнь духовной сущностью явлений.

Неподлинность окружающей жизни героя А. С. Пушкина осознает как свою "болезнь", ему нужно врачество и врач. Взгляд на грех как на болезнь души традиционен. Само состояние человечества после грехопадения – состояние болезни, в связи с которым приход Спасителя – приход Врача. Подобную ситуацию можно наблюдать в "Повести о Варлааме и Иоасафе". Царевич, повстречав убогого и старика, узнает, что все в этом мире временно и преходяще, жизнь во дворце Авенира, – обман, иллюзия, разрушенные правдой – все смертны. Он заболевает: "он начал бледнеть и чахнуть". Духовное страдание протекает как физическое, для облегчения которого нужен врач. Этим целителем врачом становится монах Варлаам, излагающий царевичу основы христианского вероучения, наставляющий его на путь к вечной жизни. Герой Пушкина попадает в похожую ситуацию: этот мир – "тюрьма", он – "узник, из тюрьмы замысливший побег, и, в результате, осмысление своего состояния в границах пространства и времени сменяет его духовное определение: "Духовный труженик – влача свою веригу. Я встретил юношу, читающего книгу". Этот врач называет и средство спасения – бегство. "Дворец" – "тюрьма" – "мир", искусственная конструкция, пространство-клетка, снимающее сущностные проблемы бытия и упрощающее их, но ради этого "блага" человек должен отказаться от своей свободы. По сути дела, русская литература в разных формах так или иначе соприкасалась с этой проблемой. Ее отголоски слышны в размышлениях позднего Л.Н. Толстого.

Можно отметить в один из аспектов прочтения значения образа "книга" как символа культуры и ее антитезы – "суеты", цивилизации, откуда бежит герой, и где "книга" не читается, а употребляется. Характеризуя "суетливого" (эти слова можно отнести и к "подпольному человеку"), Макар Долгорукий говорит: "Ибо читают и

толкуют весь свой век, насытившись сладости книжной...”, “Иной из книг выбрал одни лишь цветочки...”. Эта обратная сторона “странствия” отразится в сочинениях Святых Отцов: “Странствуя остерегайся праздно-скитающегося и спастолюбивого беса; ибо странничество дает ему повод искушать нас” [4, с. 27]. Обманчивая легкость и невесомость странствия – бесовское наваждение, призраки, сбивающие путника с его духовного пути, крадущие его “духовную веригу”. Об этих соблазнах путешествия в их прямом значении писал в “Хождении в Святую Землю” игумен Даниил: “Многие же посетившие святые места и святой град Иерусалим, возгордились этим, как будто нечто доброе сотворили и этим погубили усилия своего труда, из них первый я”. А.С. Пушкин касается этой темы в стихотворении “Бесы”: “Бесконечны, безобразны, В мутной месяца игре Закружились бесы разны. Будто листья в ноябре...”. Искаженное представление о “страннике” и “странничестве” прослеживается во взгляде Бердяева на эту проблему. Сфера, где пролегли пути его странников, – “воздушная”. Там же “собрались” невесомые и безобразные духи, кружащие по бездорожью путешественника, сбившегося с пути в “Бесах”. Н. А. Бердяев замечает: “Странник самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная... Странник – свободен от “мира”, и вся тяжесть земли и ремней жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах” [11, с. 17]. По поводу “невесомой котомки” вспоминается притча А.П. Сумарокова “Мужик с котомой” о Свинценосце, несшем “пуда три На продажу свинцу в небольшой котоме”.

Ситуация, отраженная в стихотворении А.С. Пушкина, напоминает “уход” в 1910 году Л. Н. Толстого из Ясной Поляны в Оптину Пустынь, а затем в Астапово, где он, уже умирающий, в бреду, будет восклицать: “Я пойду куда-нибудь, чтобы никто не мешал”; “Удирать, надо удирать”.

Традиции христианской письменности, отразившиеся в “Страннике” А.С. Пушкина, характер художественного осмысления темы “странничества” в его творчестве позволяют определить тот круг проблем и текстов, разделенных временем и границами различных исторических эпох, стран и народов, которые соединила в одно целое в этой теме, столь важной для русской художественной литературы и философской мысли, питающейся от нее, христианская культура.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Блаженный Августин.** О Граде Божием. – М., 1994. – Т. 1.
2. **Ильин И.А.** Одиноким художник. – М., 1993.
3. **Аввы Исаака Сирина** Слова подвижнические. – М., 1993.
4. **Преподобный Иоанн Лествичник.** Лествица. – СПб., 1996.
5. **Святой Ефрем Сирин.** Творения. – М., 1993. – Т.1.
6. **Иже во святых отца нашего Иоанна архиепископа Константинопольского Златоустаго.** Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста. – М., 1993. – Т.1.
7. **Преподобный Максим Исповедник.** Творения. – Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты. – М., 1993.
8. **Преподобный Григорий Синаит.** Творения. – М., 1999.
9. **Творения иже во святых отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Калпадокийския** – Ч. IV. – М., 1993.
10. **Преподобный Симеон Новый Богослов.** Творения Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. – Т. 2.
11. **Бердяев Н.** Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М., 1990.

SUMMARY

The article deals with the role and importance of the topic “pilgrimage” in the Russian literature. Its connection with Christian spiritual literary texts is revealed. The interpretation of such notions as wandering (life), pilgrimage (the way to spiritual sense of existence), history (pilgrimage, of Lord’s Kingdom) has been investigated.